

ЖИВАЯ СТАРИНА

Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: ТОТЕМСКИЙ РАЙОН ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

- А. В. Кузнецов.* Топонимические предания Тотемского Окологордья 2
О. Д. Сурикова. Представления о доле покойника в культурно-языковой традиции
 Русского Севера 5
В. С. Кучко, М. О. Леонтьева. Лук в лингвокультурной традиции
 восточной Вологодчины 8
Е. С. Коган, П. А. Рожкова. Тотемская хрононимия и лексика календарной обрядности 11

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

- Е. Д. Бондаренко.* «Чук, глек да мовангель»: о способах имитации «чужого» говора
 в фольклорной традиции Русского Севера 15
С. Е. Никитина. В мире верхокамских старообрядцев (из воспоминаний) 18
А. В. Гура. Межэтничность в зеркале народной культуры Подлясья 21
Д. А. Трынкина. Эвгемеристическая теория о саамах как прообразе персонажей
 низшей мифологии Британских островов 24
Н. С. Петрова. «Враги народа» в советском неподцензурном фольклоре:
 слухи об одном «шпионе» 27

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

- Д. В. Солдатенкова.* Эволюция сарафана во второй половине XIX — начале XX в.
 (по материалам фондов ГМЗ «Царицыно») 30
К. В. Чеботарёв. Народный костюм в собраниях краеведческих музеев
 Волгоградской области 33
В. А. Шилкин. Традиционная одежда казаков XX в. (по материалам экспедиций
 в Волгоградскую и Ростовскую области) 35

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ФОЛЬКЛОРЕ

- А. Б. Мороз, Н. В. Петров.* О проекте «Фольклорная карта Москвы» 38
А. Б. Мороз. Зачем нужны памятники 41
Н. В. Петров. Памятники в пространстве Москвы 44
А. И. Стрельцов. Почитаемое дерево в парке «Сокольники» 48
М. В. Ахметова. Из неофициальной топонимии Старой Руссы 49

В КАБИНЕТЕ УЧЕНОГО

- М. А. Енговатова.* Взгляд на мой фольклористический путь 53

ЭКСПЕДИЦИИ

- Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская.* Из календарной обрядности словенцев в Италии 55
Н. С. Андреева. Экспедиционные поездки Фольклорно-этнографической школы
 на Дону в 2017 г. 59

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- Л. Н. Виноградова.* Два украинских издания по народной культуре:
 Гуцульщина и Полесье 62
С. В. Алпатов. Сисиниева легенда: комплексное исследование 64
С. М. Толстая. Язык и культура польских гуралей 66
О. В. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике 68

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

- Е. К. Малая.* XVII Международная школа-конференция по фольклористике,
 социолнгвистике и культурной антропологии 69
Е. В. Минёнок. Конференция «Фольклор и Великая российская революция 1917 года» 71

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

Главный редактор

О. В. Белова, доктор филол. наук;
Институт славяноведения РАН

Редколлегия:

С. В. Алпатов, канд. филол. наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

М. В. Ахметова (зам. главного редактора),
канд. филол. наук, Государственный
Российский Дом народного творчества
им. В. Д. Поленова

Д. А. Баранов, канд. ист. наук, Российский
этнографический музей

Л. Н. Виноградова, доктор филол. наук,
Институт славяноведения РАН

М. А. Енговатова, канд. искусствоведения,
профессор, Российская академия
музыки им. Гнесиных

А. Б. Мороз, доктор филол. наук, профессор,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

С. Ю. Неклюдов, доктор филол. наук,
профессор, Российский государственный
гуманитарный университет

В. Я. Петрухин, доктор ист. наук, профессор,
Институт славяноведения РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

И. А. Разумова, доктор ист. наук, Центр
гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

С. М. Толстая, академик РАН, Институт
славяноведения РАН

Андрей Борисович Мороз,

доктор филол. наук, Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики» (Москва)

Никита Викторович Петров,

канд. филол. наук, Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российский гос. гуманитарный ун-т (Москва)

О ПРОЕКТЕ

«ФОЛЬКЛОРНАЯ КАРТА МОСКВЫ»

В 1997 г. «Живая старина» опубликовала подборку статей, посвященных московскому фольклору. Среди них статья И. С. Веселовой «Заметки к фольклорной карте Москвы» [3]. Заглавие как нельзя лучше подходит для проекта по изучению московского фольклорного пространства, который и будет здесь представлен. Первоначальная задача заключается в том, чтобы собрать, описать и картографировать по возможности максимальное количество легенд, преданий, исторических и квазиисторических нарративов, верований, обрядов и стандартизованных практик, слухов и страхов, шуток, анекдотов и т.п. — словом, всех возможных проявлений неофициальной, неинституализированной массовой культуры, связанной с конкретными объектами московского пространства. Жанровая специфика текстов не играет определяющей роли — для проекта одинаково интересны и уже весьма неплохо исследованные городские легенды (*urban legends*) и предания (см.: [9]), и городские былички. Нам важны и устойчивые формы поведения горожан и приезжих — вернакулярные практики (например, серьезные или шуточные действия с городской скульптурой, посещение представителями определенных сообществ заброшенных зданий и пространств, различные действия, связанные с объектами городского пространства). В круг изучаемых нами текстов попадают воспоминания старожилов, рассказы приезжих о московском пространстве, слухи и сплетни, связанные с отдельными районами города, городская неофициальная топонимия, представления о границах своего района, личные и семейные истории¹.

Есть лишь одно, возможно формальное, ограничение: все описываемые объекты должны быть привязаны к городскому пространству. Это позволяет, с одной стороны, говорить не всегда о территории, но совершенно точно о карте, а следовательно — о распределении фольклорного и парафольклорного материала по московскому пространству, что дает возможность дальнейшего анализа в взаимосвязи фольклорного факта и пространственного объекта.

С другой стороны, такая постановка проблемы позволяет составить индивидуальный фольклорный «портрет» какого-либо места.

В действительности такое ограничение почти не является ограничением в прямом значении этого слова, поскольку большинство нарративов, практик, верований так или иначе связаны с пространством, будь то дерево, дом, улица, квартал или целый район, метро, пригород и т.п. Персонажи (государственные деятели, почитаемые подвижники, поэты, музыканты и т.д.) будут присутствовать на фольклорной карте Москвы, поскольку связаны с территорией, которую они представляют, трансформируют, дополняют, описывают и с которой соотносятся в вернакулярных текстах города. Так, Сталин во время войны берет из Третьяковской галереи икону Божьей Матери и облетает с ней вокруг Москвы / приказывает обнести икону вокруг Кремля, чтобы спасти столицу; он же случайным образом оказывается «автором» Кольцевой линии метрополитена: когда Сталину принесли на согласование карту московского метро, он ставит чашку с кофе посредине карты; Екатерина II называет место Тёплым Станом, потому что там ее встретили «тепло», и т.п. [14. С. 72]. При этом рассказчики сталкивают персонажей друг с другом, создавая своего рода теги преемственности разновременных текстов: Сталин, по кирпичику разрушая Сухареву башню, ищет там знаменитую книгу, которую спрятал Яков Брюс, известный по легендам как колдун и чернокнижник [11. С. 12–34; 14. С. 73].

Итак, ареальные ограничения касаются не столько территории, где зафиксированы сведения, сколько расположения объектов, с которыми связаны те или иные фольклорные факты. И география эта нуждается в уточнении. Хотя в заглавие проекта вынесена Москва, использовать административные границы для выделения интересующей нас территории невозможно (например, Новая Москва не представляет собой единого пространства). Не может быть границей и МКАД, поскольку города, поселки, кварталы за ее пределами если не административно, то фактически вхо-

дят в состав мегаполиса: жители ездят в Москву на работу, учебу, в торговые центры для закупок и проведения досуга и т.п. Пространственно эти районы не отделены от города — застройка сплошная. Информационно — тем более. Таким образом, в качестве территории обследования мы выделяем собственно Москву и ближайшие пригороды, которые не отделены от столицы незастроенным пространством и перемещение из которых в Москву не требует значительного времени и усилий [21. Р. 18].

Вместе с тем пространство, о котором идет речь, не едино и не однородно. Москва (в только что оговоренном смысле), как и любой мегаполис, фрагментирована, при этом практически каждый район имеет свою традицию, знание о которой часто не выходит за его границы. Большинство жителей Москвы не только о фольклоре, но и об истории, географии и даже о существовании некоторых районов города не имеют никакой информации, никогда там не бывали. Их знание столицы определяется ограниченным набором маршрутов, вокруг которых и концентрируется их знание «городского текста». Это определяет специфику работы с материалом — требуется его ранжирование как общемосковского, районного, локального, семейного и личного. В этом, в частности, и состоит отличие нашего подхода от попытки связать все тексты о Москве в понятие «московский текст» (термин получил распространение в конце 1990-х гг. в ряде исследований, см.: [12]; ср. главу «“Московский текст” русской культуры» в [8. С. 483–805]).

Сам фиксируемый фольклорный материал крайне неоднороден как по происхождению и источникам, так и по степени распространения и по отношению к нему самих носителей. Возможно говорить о целом ряде источников, которые влияют на формирование корпуса текстов, верований, обрядов и т.п., связанных с московским пространством. Здесь мы имеем дело с непрерывной традицией, продолжающейся с XIX в. (ср., например, актуальное по сей день почитание могилы И. Я. Корейши [10]).

Вместе с тем часто можно встретить в фольклорном бытовании результат фольклоризации авторских текстов (как художественных, вроде булгаковского «Мастера и Маргариты», так и псевдоисторического или мистического характера — см., например: [2]) или рефольклоризации легенд, транслируемых в литературе, из литературы попавших в Интернет, а затем вернувшихся в устное бытование именно благодаря переизданиям и цитированиям текстов XIX и XX вв. Это книги со «старыми» городскими легендами, верованиями, обрядами, историями про московских знаменитостей и чудаков, фиксировав-

шиеся в собраниях городских фольклорных текстов [11], исторических сочинениях о Москве [4; 17]², воспоминаниях разных лет [1]³ и т.д.

В процессе медиатизации, фольклоризации и рефольклоризации нарративы обычно видоизменяются, обрастают новыми деталями и подробностями, как в случае с сюжетом о доме, купленном четой Кусовниковых (Мясницкая ул., 17), на которых он стал наводить страх. Изложенный М. И. Пыляевым [17. С. 144–145], этот сюжет на волне роста интереса к истории Москвы (начиная с конца 1980-х гг.) и в особенности к мистике, подогреваемого СМИ, оброс подробностями и приобрел заметную популярность: в современных легендах Кусовников сходит с ума после того, как сгорели его деньги, спрятанные им в дымоходе, во время протопки слугами печей. В этом смысле читатели книг, адресаты медиа оказываются и активными трансляторами фольклорных историй, передавая их на форумах, в разных тематических сообществах, устно, и прodelывают определенную творческую работу. В современных исследованиях для обсуждения этой роли — активного творческого транслятора (а отчасти и создателя) современной массовой культуры — принято использовать понятие «культура соучастия» (*participatory culture*): пользователи сетей формируют культурную политику ближайшего будущего. Для того чтобы стать сотворцом текста, пользователю сетей (а почти все наши информанты ими оказываются) надо не так много⁴.

Заметное влияние на формирование фольклорного репертуара, связанного с московским пространством, оказывают художественные произведения, в том числе литературные. Лидерство здесь, бесспорно, принадлежит роману «Мастер и Маргарита», который почти сразу после первой, журнальной публикации в СССР (1966–1967 гг.) спровоцировал особое отношение к тем уголкам Москвы, в которых происходят события романа, в особенности к «нехорошей квартире». В 1980-е гг. на стене около входной двери квартиры появляются первые надписи, через несколько лет стена оказывается исписанной первыми граффити — цитатами из романа и комментариями поклонников творчества писателя [19], а в 2007 г. открывается музей Булгакова, сотрудники которого сделали элементы стихийного почитания частью музейной экспозиции.

Часто при возникновении новых пространственных объектов на них переносятся типичные для подобных объектов практики, таким образом возникает новое значимое место по образцу уже существующих. Так происходит с уличной скульптурой — поглаживание выступающих частей, достраивание

композиции и альтернативное именование пластических объектов почти обязательно сопутствуют появлению новых объектов с таким же функционалом. Объекты, связанные с тематикой смерти, станут местом совершения меморативных практик, а затем, в результате деятельности экскурсоводческих групп, — туристическими объектами (например, стена Цоя на Арбате). Культ новых святынь (могилы почитаемых старцев, надгробия, напоминающие сакральные объекты, и др.) будет складываться из элементов почитания известных святынь (написание просьб в записках или непосредственно на объекте, принесение домой земли, цветов, веток и т.п. — так случилось с рядом склепов на Введенском (Немецком) кладбище в Москве, с Софьиной башней Новодевичьего монастыря [5], с могилой Сампсона (Сиверса) на Николо-Архангельском кладбище [14. С. 69] и др.

Городское пространство меняется: одни объекты исчезают, другие появляются. После исчезновения объекта связанные с ним вернакулярные тексты и практики постепенно трансформируются и угасают и если не вовсе сходят на нет, то, по крайней мере, заметно редуцируются. Так произошло с текстами о Сухаревой башне — местопребывании колдуна Брюса [14. С. 65]. Однако старые сюжеты могут получать развитие, достраиваться, не только снабжаться новыми подробностями, но и получать продолжение. Это оказывается возможным и даже необходимым, когда память о месте поддерживается изменениями, происходящими с объектом. Не полное исчезновение, а замена одного объекта другим провоцирует возникновение новых и достраивание старых текстов и верований. В случае с Алексеевским холмом — местом, где в XIX–XX вв. ряд объектов сменял друг друга с поразительной частотой (Алексеевский монастырь — храм Христа Спасителя — несостоявшийся Дворец Советов — бассейн «Москва» — новый храм Христа Спасителя), сюжет о проклятии игуменьи Алексеевского монастыря, известный, похоже, еще до строительства нового храма [3. С. 10], получил несколько вариантов продолжения: ожидание и поиск признаков скорого его разрушения (проклятие в силе), идея о том, что проклятие распространяется только на три последующие попытки строительства (храм Христа Спасителя, Дворец Советов, бассейн), история о снятии проклятия посредством шубки, брошенной на кладной камень [14. С. 76].

Время от времени градостроительная политика властей и отдельных групп принимает во внимание существующий в обществе запрос на объекты, помогающие структурировать, маркировать, осваивать городское пространство.

Такие попытки не всегда оказываются удачными, часто жители не принимают этого вмешательства. Так, отторжение вызвал памятник Петру I работы Зураба Церетели, в связи с которым активно обсуждалось, что он проектировался как монумент Колумба, но автор не смог продать его ни в Испанию, ни в Латинскую Америку; отмечалось сходство скульптуры с нарисованным Остапом Бендером плакатом, на котором был изображен сеятель, разбрасывающий облигации (по версии фильма «12 стульев» Марка Захарова). Кроме того, проходили инициированные журналом «Столица» акции под лозунгами «Вас здесь не стояло» и «Долой царя» [6]. Бурное обсуждение в Сети вызвали многочисленные инсталляции, начавшие появляться на центральных улицах и площадях Москвы весной 2016 г. в рамках фестиваля «Московская весна». Однако в ряде случаев объекты включаются в пространство города и принимаются горожанами и приезжими, которые начинают активно с этими объектами взаимодействовать («Нулевой километр», памятник студенческим приметам, «Сердце» в саду Эрмитаж, «Лужков мост» с деревьями для замков и т.д.). Кроме того, появление таких объектов можно описать и как «присваивание» местной властью вернакулярных текстов и практик горожан с целью обеспечить контроль над сферой неподцензурного и неофициального.

Распространению новых сюжетов, прежде всего мистического характера, способствует значительный интерес к тематике со стороны средств массовой информации, развлекательных и коммерческих изданий, интернет-порталов. В первую очередь в таких публикациях внимание уделяется мистической и (квази)исторической тематике [14. С. 67–68, 21. Р. 18–19]. В этих источниках сведения о московском пространстве часто не совпадают с сюжетами устных текстов, а время от времени и вовсе представляют собой вымысел одного или нескольких авторов. Примером такого новоторчества может служить история о призраках кошек на Большой Ордынке, которая, по всей видимости, своим происхождением обязана заметке 2004 г. в «Российской газете» автора М. Трубилиной [18], а распространением — книгам А. Попова «Все тайны Москвы» (2010) [16, глава «Призраки кошек и котят»] и Е. Коровиной «Москва мистическая» (2012) [7. С. 142–147]⁵; более ранние фиксации нам неизвестны (разве что в знаменитой книге XIX в. М. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» есть несколько рассказов о кошколюбивых дамах, но не более того). Тем не менее все подобного рода публикации, пользуясь заметной популярностью, перепечатываясь, как правило, без указания на первоисточник, и пе-

рассказываясь, входят постепенно в традицию и становятся фактами фольклорного «московского текста».

Отдельно следует сказать об экскурсионных бюро как о распространителях текстов и практик. Государственные и частные бюро (на 2017 г. их в Москве более 20) используют все приведенные выше источники в экскурсиях, называемых «Москва таинственная», «Тайны столицы» и т.п., а гиды, транслируя сюжеты, рассказывают и показывают, как правильно совершать ту или иную практику рядом с объектом: тереть памятник, писать записки с просьбами и т.п.

Отношение к такому рода текстам среди носителей, по нашим наблюдениям, несколько иное, чем к сведениям, полученным устно. Можно сказать, что *medialore*, будучи более активным, чем собственно фольклор, всё же многими носителями отделяется в большей или меньшей мере от устной традиции. Увиденное по ТВ или вычитанное в Интернете занимает отдельную нишу в восприятии людей и маркировано как недостаточно достоверное, сомнительное, непроверенное — об этом свидетельствуют ряд интервью про различные московские объекты, взятые у людей на улице⁶. В любом случае в синхронном исследовании источник и способы возникновения текста, обряда или верования если и важны, то не играют принципиальной роли: сюжет или обряд, ставший фольклорным, объект, подвергшийся осмыслению в рамках и принципах «городского текста», остается таковым; письменный текст, многократно пересказываемый устно или гуляющий по Сети в различных вариациях, уже стал частью традиции. Изучение времени и способа возникновения того или иного явления — особая задача, которая решается в отношении каждого отдельно взятого объекта или их группы.

Систематизация фольклорного материала для его дальнейшего изучения требует выделения как типов объектов, так и связанных с ними фольклорных форм и различных практик. Таких типов можно выделить около 20. Приведем несколько, чтобы показать принципы этой систематизации (см. табл.).

Очевидно, что концентрация значимых для фольклорной карты Москвы объектов наиболее велика в центре города не только потому, что это наиболее старая его часть, имеющая хорошо описанную и широко известную историю, где сохранилось наибольшее количество исторических зданий, с которым часто связываются фольклорные сюжеты. Это еще и наиболее компактная зона и поле пересечения маршрутов и интересов наибольшего количества жителей Москвы. Горожанин и приезжий может не бывать во многих районах города, удаленных от его жилья, работы

и основных путей, но миновать центр Москвы он не может. Такая ситуация не обязательно имеет место в каждом городе, но Москва устроена именно так. Это связано с градостроительным планом и с зависящей от него организацией транспортной сети (радиально-кольцевая планировка), с расположением офисов и органов власти, значительного количества вузов, музеев, театров и т.д. в центре города. Подобная централизация фольклорных объектов диктуется еще и общей тенденцией связывать возникновение пространственных объектов с деятельностью исторических лиц, которая тоже, как правило, ограничена рамками старой Москвы. Однако удаленные от центра районы города тоже включаются в фольклорную традицию: чем современнее, т.е. чем более однородна и безлика застройка и планировка, тем важнее это

пространство «очеловечить», освоить, сделать узнаваемым. Это достигается и посредством его фольклорного наполнения и осмысления. В отсутствие выразительных и заметных объектов (от заброшенных зданий до памятников) этой цели служат неофициальная топонимия, выстраивание репутации районов ([любое название] — *страна чудес, туда зашел и там исчез*); граффити, слухи и толки (подземное общежитие для 70 000 торговцев Черкизовского рынка непосредственно под ним⁷).

Позволим себе скорректировать утверждение И. С. Веселовой относительно того, что «в фольклорном городском пространстве не бывает «нейтральных» достопримечательностей — все они обозначены или как положительные (чудесные, святые), или как отрицательные, связанные с проделками нечистой силы или с не-

Объект	Тексты	Практики
Скульптура	неофициальные названия, шуточные легенды о происхождении	натирание заметных деталей; загадывание желаний; принесение предметов; достраивание композиции
Дерево	мотивирующие тексты; тексты, маркирующие пространство	повязывание ленточек; отламывание веток или коры, место сбора субкультурных групп
Здание	неофициальные названия; легенды о происхождении и истории; легенды о (квази)исторической личности, с которой связано здание; тексты о привидениях	посещение; использование в коммерческих целях (устраивание квестов, проведение ролевых игр, включение в экскурсионные маршруты)
Заброшенное здание	неофициальные названия; легенды о том, почему заброшено; легенды о (квази)исторической личности, с которой связано; тексты о привидениях; истории о страшных сообществах (сатанистах), облюбовавших место, и их обрядах; рассказы о смерти в здании	посещение / воздержание от посещения; мемориальные практики, граффити
Могила	легенды / рассказы о погребенном, его жизни и о том, как он помогает живущим; рассказы о чудесах; рекомендации	посещение; мемориальные практики; принесение предметов (угощение); прикосновение; принесение домой земли, цветов, веток; молитва; написание записок / надписей на надгробии; обходы
Камень	названия; легенды о происхождении; рассказы о чудодейственной силе; рекомендации	посещения; разного рода прикосновения; обходы; телесные практики; принесение монет, цветов и т.п.
Источник	названия; легенды о происхождении; рассказы о чудодейственных свойствах воды; истории о личностях, санкционировавших практику набирания воды; истории об исцелениях; рассказы об особенном химическом составе воды; рекомендации	принесение воды домой для освящения или приготовления пищи; мытье; питье; бросание монет
Район	неофициальные названия; тексты репутационного характера; локальная топография (система объектов); тексты (квази)исторического характера; семейные истории и личные тексты, связанные с освоением района	посещение / воздержание от посещения; районные экскурсии
Мосты	неофициальные названия; тексты (квази)исторического характера; рассказы о самоубийствах	посещение в рамках ритуала; навешивание замков; экскурсионное посещение

человеческими поступками людей» [3. С. 10]. Такая категоризация существенно сужает проблематику, связанную с фольклорным осмыслением городского пространства. Выделение в городском пространстве чудесных, святых, страшных мест, или, как принято называть все такого типа места в сетевом дискурсе, *мест силы*, несомненно, важно и имеет для понимания городского пространства существенное значение, но сводить их все к этому было бы опрометчиво. Значительное количество локусов — это просто места, иногда обладающие для горожан нулевой семантикой (как парковая скульптура), с ними связано минимальное количество практик (например, только фотографирование с объектом или демаркация объектом территории), иногда вызывающие интерес, удивление, смех, недоумение.

Все такие объекты тоже, несомненно, важны для понимания того, как горожане и туристы воспринимают московское пространство.

Примечания

¹ См. примеры личных и семейных историй про дома в книге [13].

² Такие книги пользуются популярностью, отчасти в связи с большим количеством электронных копий. Например, сборник Гиляровского легко ищется в электронном виде, его отсканированные и распознанные версии находятся в свободном доступе. Кроме того, «Москва и москвичи» в 2013 г. вошла в список 100 книг, рекомендованных Министерством образования и науки РФ школьникам для самостоятельного чтения [15].

³ Ср.: «В каждом районе были свои колоритные или просто не похожие на других личности. Взять хотя бы детей в центре города. На Кузнецком мосту я часто встречал “дурачка” Ваню, худого, горбоносого, ростом не менее двух метров <...>. На Сретенке можно было встретить девочку, страдавшую каким-то редким заболеванием. Лицо девочки было в морщинах. Ее так и называли “старуха”. Другая девочка, упитанная, круглолицая, в любой мороз

ходила по улице в одном платье. Говорили, что у нее два сердца и поэтому ей всегда жарко» [1. С. 167–168].

⁴ В терминах Г. Дженкинса культура соучастия подразумевает, во-первых, участие в различных сообществах, во-вторых, поддержку других членов сообществ в производстве и распространении текстов, в-третьих, неформальный контроль «менторов», в-четвертых, совместное творчество [20].

⁵ Стиль текста Трубилиной чрезвычайно похож на повествование Коровиной — герой и заметки, и книги фланирует по Москве, встречая призраков прошлого и рассказывая о них читателю.

⁶ Возможно, только популярная «Битва экстрасенсов» телеканала ТНТ выпадает из разряда «недоверенных» источников — показанному в ней, по словам наших информантов, доверяют. Входящая в десятку самых рейтинговых передач федеральных каналов, «Битва» цитирует и встраивает в медиаконтекст «страшные» и «опасные» места Москвы (и не только), а просмотр таких передач в целом актуализирует в устной традиции уже известные темы и ритуалы.

⁷ Благодарим О. В. Белову за указанные сведения.

Литература

1. Андреевский Г. Москва. Сороковые года. М., 2001.
2. Артемьева М. Темная сторона Москвы. М., 2011.
3. Веселова И. С. Заметки к фольклорной карте Москвы // ЖС. 1997. № 3. С. 10–12.
4. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1989.
5. Громов Д. В., Ипполитова А. Б. Карта человеческих желаний, или Записки у стен московского монастыря // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 76–87.
6. Долой царя! // Ностальгин: Прошлое. Люди, события, артефакты. 2010. 12 окт. http://www.nostalgin.ru/2010/10/blog-post_12.html.
7. Коровина Е. Москва мистическая. М., 2012.
8. Лотмановский сборник. [Вып.] 2 / [Сост. Е. В. Пермяков]. М., 1997.

9. Майер (Кукацова) А. С. Московские городские легенды как исторический источник: историческая память и образ города: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

10. Мороз А. Б. Почитание могилы Ивана Яковлевича Корейши в Москве // ЖС. 2014. № 1. С. 9–12.

11. Московские легенды, записанные Евгением Барановым. М., 1993.

12. Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998.

13. Опарин Д., Акимов А. Истории московских домов, рассказанные их жителями. М., 2017.

14. Петров Н. В. Современный мегаполис в устных рассказах и неинституализованных ритуалах («Фольклорная карта Москвы») // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики / Сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М., 2015. С. 64–88.

15. Письмо Министерства образования и науки РФ от 16 января 2013 г. № НТ-41/08 «О перечне “100 книг” по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «Гарант». <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70200292>.

16. Попов А. Все тайны Москвы. М., 2010.

17. Пыляев М. И. Старая Москва. М., 2007.

18. Трубилина М. Московские легенды // Российская газета. 2004. 26 янв. № 3388 (0). Цит. по электронн. версии: <https://rg.ru/2004/01/26/legendy.html>.

19. Чудакова М. Нехорошая лестница. М., 2009.

20. Jenkins H., Purushotma R., Weigel M., Clinton K., Robison A. J. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. Cambridge; London, 2009.

21. Moroz A. The Folklore Map of Moscow Project // Intangible heritage of the city. Musealisation, preservation, education / Ed. by M. Kwieńciska. Kraków, 2016. P. 17–27.

Авторская работа Н. В. Петрова, являющаяся частью статьи, выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16–18–00068 «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Андрей Борисович Мороз,

доктор филол. наук, Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики» (Москва)

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ПАМЯТНИКИ

В разговорной речи слово *памятник* используется в значении несколько более широком, чем словарное («архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-либо лица или события» [8. С. 86]): скульптурное сооружение отнюдь не обязательно должно быть установлено в память о человеке или со-

бытии, чтобы называться памятником. Пространство современных городов часто оживляется скульптурными изображениями, не имеющими конкретных прототипов и не преследующими цели увековечить их память. Так, памятником в собственном смысле слова едва ли могут быть названы скульптурные изображения «Прикуруивающий» и «Незна-

комка» в Михайловском сквере Минска. Н. Г. Брагина отмечает «семантическое расширение слова *памятник*». Его «можно описать примерно следующим образом: памятник создается как шутовское, игровое напоминание о людях, животных, событиях, вещах» [1. С. 30]. Хочется, однако, подчеркнуть, что при всем распространении за последние лет 25 шутовских, иронических «публичных» (термин Н. Г. Брагиной) памятников весьма часто можно встретить и серьезные. Важно или отсутствие объекта мемориализации, или несоответствие его стандартным представлениям. Национальный корпус русского языка дает